

АРХІВ РОДИНИ ЧЕТВЕРНЯ, ЖИТЕЛЯ МІСТЕЧКА ЧЕЧЕЛЬНИК, ЯК ДЖЕРЕЛО
ДО ІСТОРІЇ ПОДІЛЛЯ

Приватні архіви займають вагоме місце в українському джерелознавстві. Вони особливо активно вивчаються останнім часом. Ними також комплектуються фонди багатьох музеїв. В музейних зібраннях такі архіви часто доповнені багатьма речовими матеріалами, як правило особистими речами. На основі таких комплексів створюються численні виставки.

Проводячи історико-етнографічне дослідження смт. Чечельник на Південно-Східному Поділлі ми мали змогу працювати з рядом родинних архівів жителів цього селища: Косаківського А.А. (1879-1964), Ішенка З.А. (1897-1981), Ободянського І.М. (1920 р.н.), Старих (Косаківської) Г.А. (1914 р.н.), Жмурко А.А. (1896-1972), Остафієва М.Г. (1886 р.н.), Мазик (Серпінської) Я.В. (1917 р.н.), Четверні Б.О. (1928 р.н.) тощо. В цих архівах збереглися рукописи, документи та фото починаючи з кінця ХІХ ст.

Загальний огляд цих архівів зроблено у нашій публікації «Приватні архіви як джерело до історії Поділля (на матеріалах містечка Чечельник)» [1, с 211-216]. Матеріали архіву родини Жмурко опубліковано у праці «Архів Жмурко Аверкія Захаровича (1855 р.н.) та його сина Арехти (Арефи) (1896-1972) як джерело з історії м. Чечельник на Південно-Східному Поділлі першої половини ХХ століття» [2, с 123-131].

Основу архіву родини Б. О. Четверня, 1928 р. н., складають документи та біографічні вірші матері Бориса Олексійовича - Л. К. Шимановської-Четверня і батька О. А. Четверня.

Документи О.А. Четверня. У своїй автобіографії Олексій Арсенійович написав, що народився у с. Слобода Микитівна Микитівського району Воронежської області у 1900 р. 14 березня в сім'ї бідного селянина. У 8 років пішов до початкової сільської школи в рідному селі. У 1913 р. поступив у 2-х класну школу, яку закінчив у 1915 р. В цьому ж році вступив до ветеринарної фельдшерської школи при Харківському ветеринарному інституті, яку закінчив у 1918 р. З 1918 по 1919 рр. працював ветфельдшером при Микитській ветеринарній лікарні. У 1919 р. був мобілізований до денікінської армії, де кілька місяців працював у армійському військовому лазареті ветфельдшером. В 1920 р. був мобілізований Валуйським

повітовим військоматом Воронежської області та призначений ветфельдшером в інженерний батальйон 9 стрілецької дивізії в Робітничо-Селянській Червоній Армії. З 1920 по 1922 р. приймав участь в походах проти генерала Врангеля, полковника Назарова, проти меншовиків у звільненні Грузії. З 1922 по 1928 рр. служив ветфельдшером в різних частинах РСЧА у м. Тбілісі. Одружився з Лідією Костянтинівною Шимановською, яка 30 серпня 1928 р. народила йому сина Бориса. В 1928 р. вступив до Закавказького державного ветеринарного інституту у м. Єревані. Навчався на клінічному факультеті. По закінченні у 1932 р. навчання йому було присвоєно звання ветеринарного лікаря по спеціальності профілактика-клініциста. В цьому ж році, після закінчення інституту, був призначений молодшим ветлікарем у другий Червонопрапорний артполк, в якому прослужив до 1935 р. В цьому ж році демобілізувався і Вінницьким облземвідділом був призначений старшим ветлікарем Чечельницького райземвідділу. На цій посаді працював до 1938 р. Цього ж року був переведений облземвідділом в Тульчинську ветфельдшерську школу викладачем спецдисциплін, які читав з 12 січня 1938 по 7 вересня 1939 р. В 1939 р. був призваний в Червону армію. Брав участь у звільненні Західної України в якості ветлікаря полку. З 18 серпня 1940 по 22 червня 1941 р. працював старшим ветлікарем Чечельницького райземвідділу. 22 червня 1941 р. був призваний до Червоної армії, де працював ветлікарем в артполку. В серпні 1941 р. отримав поранення в ліву руку і був направлений до військового госпіталю у м. Лубни, а згодом до м. Ворошиловград. На лікуванні перебував у евакогоспіталі № 1817 з 20 серпня по 6 вересня 1941 р., у зв'язку із закритим переломом променевої кістки лівого передпліччя. Після одужання був направлений у розпорядження кадрів Південно - Західного фронту. У вересні місяці 1941 р. військова частина, у якій продовжив свою службу О.А. Четверня, потрапила в німецьке оточення в Лубенському районі Полтавській області і всі потрапили в полон. Після 35-ти денного перебування у полоні Олексію Арсенійовичу вдалось втекти, і він повернувся до Чечельника. В листопаді місяці 1941 р. Чечельницькою претурою йому було наказано приступити до роботи за спеціальністю. Де він і пропрацював по березень місяць 1944 р. З березня місяця 1944 р., після звільнення Чечельника Радянською армією від румунських окупантів, працював старшим ветлікарем при Чечельницькому райземвідділі по 1948 р. В цьому ж році перейшов працювати ветлікарем Устянської зооветдільниці, що в Бершадському районі. В 1949 р. призначений Житомирським облсільгоспуправлінням заврайветлікарнею Червоноармійського району. На цій посаді працював по 1951 р. З 1952 по 1955 рр. старший ветлікар колгоспу «Колодіївський» в с. Колодіївка на Тернопільщині.

Документи Л.К. Шимановської-Четверня (бл. 1903-1948X). Лідія Костянтинівна вела віршований автобіографічний щоденник, який після її смерті був повернутий синові Борису, разом з іншими нечисленними паперами та деякими особистими речами.

Про дитячі роки маємо короткі відомості саме з цих віршів. Нажаль перші аркуші зошита з її віршами майже втрачені. Вони були залиті водою під час пожежі у 1968 р. (горіла хата О.А. Четверні в Чечельнику), і тому прочитати їх повністю неможливо. Однак, збереглися окремі чорнові аркуші, нажаль не всі, по яких можна відтворити деякі втрачені перші сторінки. З віршів Лідії Костянтинівни дізнаємось, що народилась вона у Польщі в населеному пункті - Свинціани:

*«Грустно мне на сердце - отчего не знаю
Уж прошло три года как в Москве живу.
Польшу дорогу - часто вспоминаю,
В Свинцианы снова страстно я хочу!
Маленьким ребенком там росла, резвилась
Хоть и бедно жили - счастлива была. ...».*
(Тоска по родине).

Мала двох братів - старшого, який загинув у 1917 р. та молодшого-Юрія. Згодом була вбита і мати. В 15 років Ліда залишившись сиротою, дала клятву помститись за смерть матері. Відрізавши косу та поголивши голову, одягнула шинель і назвавшись Юрою, з головою кинулась у вир Громадянської війни. Воювала за радянську владу:

*«Погибла мама дорогая
От рук жестоких палачей. ...
...В живых осталась я одна!
...Мне тяжело одной остаться
В 15 лет, для всех чужой! ...
Красноармейцем Юрой стала ... ».*

(На смерть матери). За датами і місцем написання віршів, які вона зазначала, можемо простежити географію її «подорожей». У листопаді 1921 р. була у Севастополі. Згодом, у 1922 р. поїздом поїхала на Кавказ. 15 вересня 1923 р. була вже в Москві. Поїхала вчитися на лікаря.

*...я приехала в Москву
Учится на врача. ...*

(В Москве).

У 1925 р. знову в Тбілісі. 3 грудня 1926 р. тут, у Тбілісі, вперше зустрілась зі своїм майбутнім чоловіком Олексієм Четвернею:

«И в этот вечер безпокойный

*Впервые встретился со мной –
Военный фельдшер, очень стройный,
А я - с завязанной щекой».*
(Встреча).

28 липня 1927 р. Олексій і Лідія одружились. Через два тижні після весілля молоді подружжя поїхало на батьківщину Олексія – у с. Слобода Микитівка.

Після повернення в Тифліс складна і відповідальна робота, яка вимагала частих і небезпечних, навіть для власного життя, поїздок. Одна з таких «мандрівок» була в Сурам. В одній із таких поїздок-експедицій Лідія Шимановська-Четверня, будучи вже вагітною, отримала важкі поранення кинджалом в груди і живіт:

*«... Я в горы ехать не хотела.
Ты на опасность сам послал!
И вот – израненное тело,
В грудь и живот попал кинжал!».*

(Мужу Лене. Тифлис, 29. 08. 1928 г.).

Цього вірша Лідія Костянтинівна писала своєму чоловікові Олексієві, якого називала Льонею, за день до народження сина Бориса, якому у нинішньому, 2011 р. 30 серпня виповниться 83 роки. Вона дуже хотіла народити гарного і здорового сина, яким могла б пишатися разом зі своїм чоловіком. Але важке поранення не давало майже ніяких надій. Лікарі доклали максимум зусиль щоб врятувати життя як матері так і дитині. У 2 години ночі з 29 на 30 серпня 1928 р. у м. Тифлісі, в лікарні Арамянця, перед операцією вона написала ще одного вірша: «Перед операцией - мужу»:

*«Так боюсь, что не выдержит сердце
И придется от ран умереть,
-На свою дорожую малютку
Не смогу я уже поглядеть! ...»*

Доля була прихильною до матері і до її майбутнього сина. 30 серпня 1928 р., о 4.30 ранку, на світ з'явився довгоочікуваний синок. Назвали його Борисом. Радості матері не було меж:

*«Счастливый, долгожданный день –
Вот, наконец, настал:
И после долгих, тяжких мук
Сынок свет увидал. ...».*

(На память отцу и сыну. Тифлис. 5. 09. 1928 г.).

В жовтні 1928 р. молода сім'я переїхала на нове місце служби - місто Єреван. Сімейні стосунки ускладнились, і це простежується у віршах Лідії

Костянтинівни. До сімейних проблем додалися проблеми зі здоров'ям матері і дитини. Мати довгий час хворіла після операції, а син також, народившись кволим, часто хворів.

Батько в цьому ж році вступив до Закавказького ветеринарного інституту у м. Єревані. Проблем додалось. І Лідія Костянтинівна вирішила залишити чоловіка і сина та поїхати на Донбас, куди отримала направлення на роботу:

*«Прощай мой сын, нет, - до свиданья!
Покинуть я тебя должна!
Но тяжело мне все ж сознание,
Что мать плохая тебе я! ...
...Тебя сейчас я покидаю,
В Донбасс велят поехать мне ...
...За власть Советов - мама бьется ...».*
(Сыну Боре. Зривань. 2. 07. 1929 г.).

Працювала в Олексіївці, згодом у Лозовці. Основна робота, яку виконувала Л. К. Шимоновська-Четверня - надання медичної допомоги місцевому населенню:

*«Шум и гам здесь стоит. Два десятка подвод, -
То больные спешат на прием ...
Прежде столько людей, не видал никогда
Этот бывший священника дом! ... ».*

*(Мечты фельдшерицы
(Пародия на Надсона «Мечты королевы»).*
Алексееака-Лозовка. 9. 12. 1929г.).

27 травня 1930 р., Олексій Арсенійович приїхав до дружини в Олексіївку. Після довгих роздумів вона погодилась повернутись до Єревану, де чекало нове життя та нові проблеми. Однак, не дивлячись на нібито налагоджені сімейні взаємовідносини, життєві проблеми продовжували наростати. Цьому, мабуть, сприяла відсутність можливості, як у батька так і у матері, зайнятися вихованням сина. Його виховувала батькова сестра - Параска (називала себе Галею).

Тим часом Олексій закінчив інститут і став ветеринарним лікарем:

*«Ты упорно боролся, трудился
И нужда не сломила тебя!
Своей цели ты все же добился –
Поздравляю тебя, ветврача! ...».*
(Мужу с день окончания ветинститута. 12. 03. 1932 г. Эривань).

Отримавши диплом ветеринарного лікаря, О.А. Четверня був призначений на нову посаду і переведений на службу в інше місто, а дружина сама залишилась в Єрвані.

Я бачимо з віршів Лідія Костянтинівна стала військовим, точніше -військовим лікарем:

Останні вірші, вміщені в зошиті, написані під час перебування на відпочинку в Батумі, Ялті, Гурзуфі з 21 жовтня по 19 листопада 1932 р.

В кінці зошита припис: кінець 1-й книги. Мабуть, існував і другий зошит, але, нажаль, він втрачений.

Тому подальшу долю Л.К. Шимановської-Четверня ми простежимо по інших збережених документах. Серед них - її заява, на ім'я Начальника прикордонних військ Закавказького ГПУ. В заяві зазначено, що вона кандидат ВКП (б), студентка 4 курсу медінституту, нач. складу запасу. Зміст заяви: *«Прилагая при сем выписку из военного послужного списка о моем участии с 1918 г. в гражданской войне, далее с 1922 г. службы в особом отделе и 41-м погранотряде в Джулефе - контролером, я прошу Вас принять меня на какую либо службу в вверенном Вам погранотряде, к работе данного органа я привыкла и справляюсь с ней, работая с 1922 г. При чем сообщаю, что хорошо знакома с работой секретаря, инструктора, уполномоченного, контролера, также -машинисткой 1 –го разряда на русском языке. Прошу Вас не отказать принять меня на какую либо из вышеуказанных должностей, чтобы я могла переехать в Тифлис»*. З тексту цієї заяви добре видно де проходила службу Лідія Костянтинівна і якими професіями володіла. Заява написана, мабуть, у кінці 20-х - на початку 30-х років.

Ще один документ - Посвідчення, видане Лідії Костянтинівні 15 липня 1933 р. в таборі Ігнатполь: *«Дано настоящее гр. ЛИДИИ КОНСТАНТИНОВНЕ в том, что она действительно является женой Млад. Ветврача 2-го Кавказского Артиллерийского Краснознаменного Полка тов. ЧЕТВЕРНЯ А.А. и следует к месту службы последнего гор. Овруч.*

На проезд от станции Эривань до станции Овруч выдано требование по ф. № 1 за № 256970. Начальник штаба Богданов (піпис). Делопроизводитель Бобро (підпис)».

Наступні документи відносяться до періоду Великої Вітчизняної війни, її всю пройшла Лідія Костянтинівна.

6 березня 1985 р. її син Борис звернувся з листом до Центрального архіву Міністерства оборони СРСР, з проханням розшукати документи, що відносяться до його матері, яка в роки війни була військовим лікарем. В липні цього ж року він отримав відповідь. У довідці Архіву Міністерства оборони СРСР зазначено: *«По архивным документам*

установлено, что Шимановская Лидия Константиновна проходила службу в 984 эвакогоспитале (в/ч п/п 11947) с 7 августа 1944 г. по 25 января 1945 г. в должности начальника медотделения, в воинском звании - майор мед. службы. (Приказ № 241 о зачислении, приказ № 24 об откомандировании в ФЭП - 30). Основание: Оп. 16946, Д. 20, Л. 2Х0; Оп. 16946, Д. 27, Л. 27 (об.).

Документов 30 фронтового эвакопункта, необходимых для наведения справки о службе гр. Шимановской Л. К. на хранении в ЦАМО СССР не имеется.

Одновременно сообщаем, что в книге учета офицерского состава 984 ЭГ за 1944 год значится: «майор м/службы Шимановская Лидия Константиновна, 1907 года рождения; национальность - полька; участие на фронтах: финская кампания - с 1939 по 1940 гг.; Ленинградское направление - с сентября 1941 по октябрь 1941 г.; Баренцево море – с марта по сентябрь 1942 г.; Сталинградский - с ноября 1942 г. по март 1943 г.; 2-й Украинский фронт - с октября 1943 г. по апрель 1944 г.; где родился, адрес семьи: г. Овруч, Житомирской обл.; сын Борис - г. Чечельник, Винницкой области». Основание: Он. 16946, Д. 21, Л. 7-8.

При необходимости дальнейшего наведения справки рекомендуем обратиться в Воено-Медицинский музей МО СССР: г. Ленинград, Лазаретный пер. Д. 2.

Начальник архивохранилища- Восторгов (підпис). Исп. Букман».

У 2006 р. Борис Олексійович звернувся з листом до Військово-медичного музею Міністерства оборони Російської Федерації у м. Санкт-Петербург. Звідти отримав відповідь: «В у четно-послужной карте майора медицинской службы (№ приказа о присвоении военного звания, дата не указаны) Шимановской Лидии Константиновны, 1907 г. рождения, в графе «Служба в Красной Армии» значится: «В Красной Армии с 1935 г.

Нач. пмп 498 отд. раб. бат. военноплен. (дата, № приказа о назначении не указаны).

Уволена в запас по ст. 43 - по возрасту, в ГВК г. Тбилиси. Приказ За«. ВО № 0676 от 08. 09. 46 г. ».

В графе «Семейное положение» записей не имеется.

По архивным документам 30 фронтового эвакопункта установлено, что Шимановская Лидия Константиновна проходила службу в резерве медсостава 30 фронтового эвакопункта в период с 03 января 1945 г. (приказ № 07 от 03. 01. 45 г.) по 12 марта 1945 г. (приказ № 0126 от 12. 03. 45 г.) в воинском звании - майор медицинской службы.

Основание: Ф. 137, Оп. 24445, Д. 7. 77. 3, 26 (об.).».

В родинному архіві Б. О. Четверні збереглося також кілька листів матері. Один з них має дві дати - 20. 10. 44 р. та 8. 12. 44 р.:

«Добрый день дорогие Ленья и Боричка!

Сравнительно недавно я была у Вас в гостях, а теперь пишу, заехав далеко за Карпаты! Не знаю, как сейчас в Чечельнике,- а здесь еще совершенное лето, жара, все ходят в одних платьях и то жарко. Второй день погода испортилась и идет дождь, а то все время чудная солнечная погода и ничто не напоминает осень. В Трансильвании - красивая природа на фоне Карпатских гор покрытых зеленью, живописно расположенные дома городов, многие из них очень красивой архитектуры, а под ними проходит железная дорога, рядом с ней автошоссе, еще ниже река Дунай, в некоторых местах красиво падает водопадом! В общем - природа здесь красивая. Меня, как обычно,- постигло несчастье опять. По приезде из Тульчина в Бельцы, где я работала в то время,- пока я находилась на работе, - в 9 часов вечера, за 10 минут до моего возвращения,- вор сломал замок в моей комнате и начисто все украл: украли твой чемодан, который мне так был нужен. Со всем его содержимым, т.е. со всем моим бельем и книгами. Украли мой любимый чудный серый плащ, в котором я к тебе приезжала. С кровати украли всю казенную постель. Даже ремень, который я не одела под халат и оставила дома - тоже украли! Одним словом - вернувшись из своей части домой - я нашла почти пустую комнату! Я осталась в чем была, без смены белья, даже без чулок, так как было жарко и я одела туфли на босую ногу! Из всех моих книг случайно уцелели на столике взятые у тебя «Диагностика (моя) и две маленьких тетрадки с твоими и Бориными фотокарточками и копиями моих стихов, вынутые мною из чемодана. Остальное и часть моих документов - украдены все! Это несчастье так на меня подействовало, что у меня отнялся язык и 3-е суток я была, почти без сознания с горя и свалилась. Несмотря на это, в тот же вечер подала заявление в соответствующие военные органы и милицию. Вещи не нашли, несмотря на очень заметный плащ. Уже через 5 дней моя часть и я выехали из Бельцов. В Румынии я, правда, пока кое-что хорошее из вещей (белье, чулки, туфли и т.д.) купила. Снова приняла вид майора и прилично одета и обута. Но боюсь, что опять что ни будь случится, так как меня преследует просто будто проклятие какое то, все время преследуют несчастья! Не одно, так другое! Тут уже постигло новое несчастье: те часы которые я отдавала в починку в Чечельнике и о которых я тебе писала, что ваш мастер плохо починил и они спешат на 1,5 часа в день, а в Бельцах и в Тульчине не взялся их исправить ни один мастер, говоря, что короткий волосок, а у них другого нет. Тут в Брашове взялся сразу чинить румынский мастер, содрал за починку 1500 лей (на наши

деньги 15 рублей), заверил, что сделал хорошо. Но они шли только сутки и совсем стали, так как это был мастер-жулик. Он выкрал мой хороший механизм, все испортил и изломал, а на другой день после его починки - моя часть выехала за 160 км дальше и я не смогла его даже притянуть к ответственности и заставить исправить и восстановить мои часики! Так что я сейчас лишилась самого необходимого. Правда, здесь можно купить дешево хорошие часы, но не при моем счастье, да и нет у меня румынских лей, а наши деньги здесь не ходят и нам их давать до возвращения не будут. Мне же без часов - очень трудно, при моей работе! Я очень рада, что ничего хорошего у тебя не взяла - вор украл самые тряпки, жаль только моих бывших воен. (обмундирования) вещей, книг и чемодана, - без него мне беда! Почему ни ты, ни Боричка не пишете мне получили ли из Тульчина мою посылку, через Носову для Борички: брюки, книги, т.д., о которой я несколько раз тебе писала и просила сообщить мне передала ли тебе все это Носова. Она мне тогда обещала передать. Адрес мой пока тот же: полевая почта 11947. майору м/с... Помимо того, что я очень прошу сообщить мне получена ли Вами эта посылка, - я прошу написать мне также какой размер ботинок носит Боричка. Может быть я смогу как ни будь здесь достать деньги и купить для него и обувь и костюмы, которые есть здесь хорошие. Но вопрос - сохраню ли я их до возвращения к Вам, или снова какой ни будь негодяй - вор стащит! На всякий случай, я все же прошу поскорее сообщить мне размер обуви какую носит Боричка. При представившейся первой возможности - я постараюсь для него, что возможно купить. Беда, что в чемодане украли, Боричкой подписанный и подаренный мне, словарь. Он мне здесь сейчас был бы очень и очень нужный, а то ничего не понимаю и не умею говорить! Объясняюсь больше жестиком, 2-3 слова немецких, 5 слов польских, а более русских, ну ничего, кое как меня и я понимаем! Я бы все смогла достать - и белье и обувь и одежду (хорошие костюмы для Борички здесь), но беда с деньгами. Через несколько дней мы выезжаем дальше, на фронт, где и румынские леи уже не ходят, а будут какие-то венгерские или немецкие, в зависимости от того, где будем стоять - в Венгрии или Германии! Здесь мне никак не удастся узнать, постарайся ты узнать в Чечельнике, можно ли тебе послать мне на фронт на полевую почту денег советскими, а чтобы их мне тут выплатили теми деньгами, которые в том месте ходят? Если это можно, тогда вышли мне денег и напиши, что купить Боричке и какой размер и я все здесь ему куплю, а то с деньгами здесь беда, ибо нам не платят зарплату до возвращения в СССР. Но мне от этого не легче! Конечно, будь я на передовой, снова в части, в полку - там сколько хочешь всего бы достали, никакой зарплате не нужно. Но вся беда, что никак не вырвусь

из госпиталя, хотя он и не по моей специальности, но меня не отпускают на передовую. Поэтому я так долго вам не писала, все хлопотала о переводе в часть и думала, что № полевой почты будет другой. Но пока ничего не відходит и приходится сидеть на старом месте. Скоро приедем ближе к фронту, к нашему высшему начальству,- снова буду хлопотать о переводе в часть. Не знаю, добьюсь или нет. Я тебе написала, что механизм моих часов украл здешний мастер, но к счастью я ошиблась, он только, дурак, все части перепутал, не умеет правильно сложить наших советских часов. Вот потому они и не идут; а механизм весь цел. Меня уверил, что все цело один раненый наш бывший часовой мастер. Здесь я купила другие часы - «Анкер», на 15 камнях за 250 рублей на советские деньги. Пока они идут хорошо. Чувствую себя в данное время плохо: открылись на левом бедре две раны от мелкоосколочного ранения, удалили 2 осколка, а еще 6 осколков осталось (на левой руке и на бедрах). Но они зажили и пока мало беспокоят. Я их не хочу удалять. Довольно с меня двух ран на левом бедре. И так с ними с трудом хожу. А после удаления осколков 2 больших дыры все время гноятся, а приходится ходить! Пиши, пожалуйста, поскорее все подробно о себе и о Боричке. Прошу Боричку лично мне написать, как живет, как учится, взялся ли наконец за ум - или все лодырничает, пока мать его рискует здесь жизнью.

Пишите скорее. Целую Вас обоих крепко. Ваша Киса!

Скоро буду встречать Новый год и день моего рождения - опять под обстрелом! 8. 12. 44 г. ».

Ще один невеличкий «лист» - підпис на родинному фото, для сина Бориса: *«1929 год. На добрую память сыну Боре о далеко прошлых днях на любимой Родине. Переснимок- на память о далекой Венгрии, где еще так не давно - около этого фотоателье рвались мины и снаряды в боях за Будапешт, освобожденном от фашистской нечисти и где все дальше с боями идет его мима. Майор (подпись). 21. 04. 45 г. ».*

Звільнившись у 1946 р. в запас, майор медичної служби, інвалід війни Лідія Костянтинівна Шимановська-Четверня зустріла нові проблеми. Здоров'я її було вкрай підірване, а матеріальні нестатки змусили її звернутися до колишнього чоловіка за допомогою. Її становище дуже добре простежується у кількох останніх листах.

Останній із збережених листів Лідії Костянтинівни:

«Дорогие мои Леня и Стася!

Наконец то я получила в полной целостности и сохранности обе Ваши посылки, оцененные в 500 и 300 рублей. Только что вернувшись из очередной поездки в Баку за пайком и узнав, что на мое имя в интернате нет ничего, ни писем ни посылок, ни денег,- я в полном отчаянии,

на последние деньги, послала Лене телеграмму, с просьбой ответить на письма. Я от Бори тоже не получала ни одного письма, после его последнего 8. 08, где он мне писал, что едет сдавать экзамены. Я ему много писем написала, а от него - ни строчки. Также и Вам обоим писала, в полном отчаянии и тоже не получила ответа. А положение мое было до последней степени отчаянное: здесь я в полном смысле погибаю, жизнь откровенно ужасная. Не знаю во Львове ли Боричка? Поехать ли туда? А вдруг я поеду, а в это время сюда посылки от Вас придут, ведь Боричка в каждом мне письме писал: - «я сам слышал и видел как тетя Стася и папа, тебе упаковывают посылки и готовят их отправить и 200 р. денег в Шемаху», а я не получала от Вас ни чего! Да и на дорогу неї ни копейки и здесь не на что жить, ибо я оставила самое лучшие вещи и нужные мне и которые просто жалко продавать за бесценок. Лучше пусть они Боричке после моей смерти достанутся. Хотя мне так не везет, что и продать жалко рука не поворачивается и оставить хорошие вещи просто мне страшно. Ибо я хорошо знаю, что как бы я их не хранила, как бы тщательно не запирала, на самые лучшие замки,- их все равно у меня украдут, не сегодня, не через неделю, так через месяц, стоит только мне их снять из себя! Я не знаю, чем это объяснить, почему у других так не бывает А только у меня. Этот факт, просто, как колдовство какое. Вот привезла из Будапешта летом свои вещи и оставила, что менее нужное - на продажу, что решила себе оставить. Было мое любимое маркизетовое платье, с полудлинными рукавами, коричневое, я его очень любила и решила себе оставить. Уж так я его берегла. Но стоило мне снять его с себя и его украли вместе с моим одеялом, о чем я Вам писала! Между прочим, в последнюю свою поездку в Баку,- я нашла украденное у меня в Шемахе одеяло новое, ватное, часы будильник и зеркало, а это платье, моя меховая шапка и пододеяльник с одеяла- пропали. Оказывается, эти проклятые воры из Шемахи завезли мои вещи в Баку и оставив эти вещи у своего товарища,- сами оправились промышлять, под видом слепых инвалидов, по поездкам, за новыми вещами. Мне удалось узнать адрес их товарища. Я с милицией отобрала свое одеяло, а платье и др.- нет! Вот и храни и не продавай! Но только что я отправила Лене телеграмму,- вечером, в этот же день я получила сразу 2 письма от Брички. Он пишет, что уже месяц, как учится во Львове. Оказывается, он одно письмо мне послал доплатным и оно очень долго лежало на почте, а мне наш культурник, который приносит письма, все забывал о нем сказать, а я здесь с ума схожу! Значит Боричка во Львове и вся моя мечта, как можно скорее переехать туда, чтобы хоть перед смертью его еще увидеть и, могу умереть на его руках, а не от вдали от всех, в чужом мне Азербайджане, всем забытой, никому не нужной! Кроме того,

недавно из Шемахи тоже во Львов перевелась одна врач, инвалид, старший лейтенант. У нее оторваны снарядам обе ноги и от тяжелого ранения в грудь в 42 году у нее повреждены обе легкие. Она только что переехала от нас во Львов,- как там сразу же умерла. Понятно, так и со мной будет, но я была бы этому очень рада, чтобы прекратились мои нечеловеческие страдания, и я могла бы увидеть сына и умереть на его руках, но только бы не здесь! И вот возившая ее женщина и вернувшаяся сюда нам рассказала, как во Львове хорошо и все дешево, будь - то картошка - 3 рубля кило, а ведь здесь 15 рублей кило. Так что я завтра бы переехала во Львов, но Боричка опять в обоих своих письмах мне написал, что заезжая домой после экзаменов,- видел как Вы приготовили к отправки две посылки и высылаете мне их и 200 р. Значит я должна была их ожидать. Наконец то я их получила. Спасибо, горячее спасибо, особенно за примус! Стася, дорогая сестра, это верно Вы меня пожалели и прислали. Я на коленях готова благодарить Вас и целовать Вам руки, но несчастье пока в том, что имея примус, я еще не могу им пользоваться до поездки в Баку, ибо в проклятой Шемахе не найдешь иголки для примуса на базаре, а один продает там 20 р. за иголку! Сума сойти. Надо ожидать пока поеду в Баку. Там все дешевле. Теперь 2 вещи меня здесь задерживают: вопрос с Грузинской и отсутствием денег на дорогу во Львов. Проклятая бандитка Грузинская без суда не отдает абсолютно ничего из моих вещей, даже мои очки. Она видя, что я едва стою на ногах,- вполне уверена, что у меня не хватит сил хлопотать и судиться. Но оставить ей все мои вещи безнаказанно, даже мои ордена и медали, полученные на фронте,- тоже больше чем обидно и тяжело! Судиться с ней же,- у меня действительно, совершенно нет физических сил, чтобы ходить и хлопотать, а кроме того я не знаю, что ни будь выйдет ли из этого, т. е. свидетелей, что она отняла у меня все вещи, мучила, избивала и душила меня, у меня совершенно нет. Все это она делала при закрытых дверях, со своим сыном и сестрой. Единственное - это ее письма, ласковые, более чем нежные, в которых она вызывала меня в Баку и в которых пишет, что от меня получила продукты и деньги, когда я была в армии. Достаточно ли этого или нет для суда, да и насколько затянется этот суд, может, я и не доживу? Я хотела спросить у юристов на консультации: «Что делать?» Но и до них все не хватает сил у меня добраться! Это одна причина задержки моего перевода, а другая -нет денег на дорогу. Самое ужасное, это то, что при переводе пенсии так далеко,- я ее не получу 3-4 месяца, как говорят все инвалиды. Чем же жить первое время? И вот я в отчаянии послала Лене телеграмму с просьбой помочь мне поскорее отсюда выбраться, хоть я чувствую, что он очень сердит на меня за последнее время, что я так надоедаю Вам с просьбами

о высылке посылок и денег. Я на расстоянии слышу, как он меня за это ругает. И невольно втягиваю голову в плечи. Но что же мне делать где искать помощи? Он скажет, что не его дело, что я погибаю. Я для вас чужая, как и для всех. Но все же он хоть и поругает, а иной раз и пожалеет, поможет. Ведь было время, когда я не была чужой! Чем же я так виновата что меня так искалечили. А те кто должен был бы помочь,- военкомат даже никакого внимания теперь не обращают. Говорят, что у них нет таких фондов! Хоть умирай на их пороге,- не дадут никакой помощи, ни куска хлеба! Я была нужна, пока была здорова и имела силы. Сейчас в Баку, много инвалидов валяются и умирают прямо на улице, босые и голые, без всякой помощи, обвешанные орденами и медалями! Все это ужасно, но это факт! (Підкреслення наше). Такое и мое положение здесь. Хуже всего то что мне не дают абсолютно никакой работы, чтобы жить, несмотря на адские боли и мучения. Я бы сушила зубы, но пошла бы работать. Но даже инвалидный дом,- мне не дает никакой работы и смеются в глаза, говоря что я одной ногой стою в могиле. Да, что так, но пусть бы добились сразу но и этого никто не сделает. А желанная смерть сама не приходит по заказу? Вот и кидаешься, просишь, умоляешь о помощи - сжальтесь, помогите умереть около сына, на его руках! Вы скажите, что надо было раньше думать о нем, когда он был маленьким. Клянусь, я этим терзаюсь всю свою жизнь, особенно сейчас. И одна моя мечта, хоть при конце жизни, хоть немного, чем ни будь загладить мою вину перед ним и его отцом, а потом умереть! Но если сказать по справедливости, то Вы оба хорошо знаете, что я при самом моем горячем желании быть с ним,- когда он был маленький, еще в школу не поступал,- не могла этого сделать, находясь на Дальнем Востоке и не распоряжаясь собой. С моими же желаниями там никто не считался и я была бессильной! Вы это знаете, а потом - фронт, война .. Значит одно, что осталось мне, если судьба еще даст немного сил, это теперь, при конце моей жизни чем ни будь загладить мою вину перед ним и Вами, к чему я стремлюсь всеми силами моей измученной души!! Как я ни страдаю здесь, но у меня все сердце переворачивалось, когда я читала его письмо из Львова. Как его там плохо и мало кормят! Бедный мальчик! Конечно, такой резкий переход от домашней, сытной, всем обеспеченной и беззаботной жизни,- для него очень тяжел, особенно в первое время! И вот я и мечтаю, чтобы поскорее быть во Львове. Там мне дадут в инвалидном доме комнату, как и здесь. Я получаю, правда за деньги, хороший литературный паек из военторга. Если бы Боришка был со мной,-я сейчас умею хорошо готовить. Нам бы на двоих хватило. Тогда он хоть не так сытно, как дома, но все таки сытнее и вкуснее, чем по талонам,-мог бы питаться. Кроме того,- я помогала бы ему и в его занятиях. Может

быть, когда я буду во Львове, Вы Стася милая, пожалеете меня и привезете мне швейную машинку и все остальное во Львов и я смогу заработать кусок хлеба. Ведь я буду недалеко от Вас. Или Вы, или Леня сможете один раз приехать ко мне. Это спасет и меня от голодной смерти и поможет перед Боричкой хоть немного загладить мою вину! Вот - только бы скорей вырваться отсюда во Львов, пока еще кое - как носят ноги. С каждым днем уходят силы, и я боюсь, что потом - я уже не смогу доехать и с сопровождающим, которого мне отсюда дают. Просто страшно мне в таком плохом состоянии, пускаться в такую далекую дорогу. Но, если Вы мне согласитесь помочь,- я все же, в ноябре, в конце, хотела бы выехать во Львов. Поэтому прошу Вас, больше посылок мне в Шемаху не посылайте, а напишите мне Ваш совет в отношении Грузинской. Не ругайте меня, что я надоедаю Вам, не откажите в помощи добраться во Львов, получить машинку для шитья. Может я еще смогу встать на ноги, немного продержаться. Ведь полное отсутствие пищи 2-3 дня - окончательно меня губит. А там - может быть, я еще и оживу немного! Вы пишите на. переводе посылки - «подробности письмом». По почерку, это писал не Леня, а верно Вы, милая Стася. Но Ваше письмо я не получила до сих пор! Ленечка, ты не сердись на меня. Глубокое отчаяние заставило меня надоедать Вам. Вы мне много помогали,- не откажите в помощи и теперь! Как я хочу скорее вырваться отсюда! Нас перевели в другое помещение,- еще более темное, холодное и тесное. Мне дали комнату. Где вдвоем нельзя стоять. Можно только лежать на койке и боком стать возле стола. Здесь в этом году - ранняя зима. Уже с сентября начались небывалые для Баку холода и дожди. В моей комнате и печь сломана. Сегодня я должна была ехать в Баку. Просто страшно подумать, как ехать на открытой машине 123 км! *Хочу ехать завтра, но не знаю, пойдет ли машина. А то паек пропадет! Я буду ожидать от вас письма. И еще раз прошу не откажите в помощи деньгами на дорогу. Тогда при получении их от Вас,-я сейчас же выведу отсюда. Еще раз безграничное спасибо за посылки. Привет бабушке. Крепко целую Вас обоих и ее. Простите, что беспокою.*

Ваша несчастная Лида.

1948 г. Город Шемаха».

Це останній лист Лідії Костянтинівни. В цьому ж році її не стало.

Четверня Борис Олексійович. Народився 30 серпня 1928 р. Син Олексія Арсенійовича та Лідії Костянтинівни.

Борис Олексійович - людина, яку в Чечельнику та в Чечельницькому районі знають всі люди старшого покоління. Протягом 1964-1988 рр. фотографом райпобуткомбінату він зафіксував на фотоплівку всі події які відбулися в Чечельницькому районі. Перші його фотороботи

було вміщено в районній газеті, ще в середині 50-х рр. З того часу і аж до кінця 90-х рр. він беззмінний фотокор районної газети - «Колгоспник» (нині газета називається «Чечельницький вісник»). Крім фотографування всіх важливих подій районного та містечкового масштабів, фотоапарат Бориса Олексійовича фіксував майже всі події, які відбувалися в родинах мешканців району - весілля, похорони, проводи до армії, випуски в школах тощо. Велика кількість фото та негативів збереглась і до нині [3, с. 4-41].

Про свою родину і власне життя Б. О. Четверня написав спогади, які вміщено в книзі «Мои года - мое богатство» [3, с. 42-74].

Отже, приватний архів родини Четверня, як і інші архіви опрацьовані нами посідають вагоме місце серед історичного джерелознавства. Вони включають в себе рукописи, документи та фото, які є цінними історичними свідченнями не лише про якусь особу або населений пункт, а про Поділля і Україну загалом кінця XIX - XX століття.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Косаківський В. А. Приватні архіви як джерело до історії Поділля (на матеріалах містечка Чечельник) // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Вип. 15. Серія: Історія : збірник наукових праць./За заг. ред. проф. П. С. Григорчука.- Вінниця, 2009. Вип. 16.-С. 211-216.
2. Косаківський В. А. Архів Жмурко Аверкія Захаровича (1855 р.н.) та його сина Арехти (Арефи) (1896-1972) як джерело з історії м. Чечельник на Південно-Східному Поділлі першої половини XX століття // Матеріали XIII Подільської історико-краєзнавчої конференції: [присвяченої 80-річчю від дня народження І.С. Винокура] /З авальнюк О.М. (голова), Войтенко В. І. (співголова), Баженов Л.В. (відп. редактор) та ін. - Кам'янець-Подільський: Абетка, 2010. С. 123-131.
3. Косаківський В. А. До історії роду Четверня//Мои года мое богатство.-Вінниця, 2008.- С. 4-41.
4. Четверня Б. А. Мои года мое богатство // Мои года мое богатство / за заг. ред. В. А. Косаківського. – Вінниця : ROMiK, 2008. – 212 с.